

Среди моих друзей, приятелей и знакомых он — единственный, кто, не взирая на свои семьдесят пять, готов отправиться в экспедицию в любую точку Земли при первой же возможности. Естественно, для этого нужны «особые обстоятельства», но, к счастью, наше непредсказуемое время предоставляет их регулярно. Так случилось и на этот раз.

Георгий Гречко вновь отправился на поиски инопланетян.

Делает он это не впервые, и, казалось бы, страсть к нашим «братьям по разуму» должна бы поутихнуть, сгладиться с возрастом. Но вновь прославленный космонавт летит на вертолете, высматривая с воздуха «летающую тарелку», и глотает пыль пустыни, которая щедро поднимается из-под колес вездехода.

— Неужели веришь, что найдешь корабль инопланетян? — спрашиваю неугомонного друга.

Первый раз он меня сильно удивил вскоре после моего прихода в КБ. Вдруг Главный конструктор вызывает к себе. Я страшно удивился, прихожу. Он начинает меня расспрашивать, чем я увлекаюсь, какие книги читаю, какую музыку люблю, в какие театры хожу. Я довольно подробно рассказал о своих пристрастиях. Ушел в полном недоумении: ведь у Королева тысячи таких, как я, почему он тратит свое время на подобные беседы? И лишь много позже понял — ему нужно было знать, сможет ли в будущем он опираться на человека.

— Он не ошибся!  
— Я этим горжусь...  
— Знаю, что однажды Гречко попал в Тунгусскую тайгу. Что ты там делал? В свое время в одной из своих повестей я написал, что ты искал там корабль инопланетян и что Сергей Павлович Королев очень интересовался этой экспедицией. Это верно?

— По моему, в 69-м мы встретились впервые в Центре управления полетом. Тогда ты сказал: «Следующим пойду я!» Когда появилась уверенность, что обязательно полетишь?

— Уверенности, что ты полетишь, нет никогда. Когда Феоктистова спросили: «Трудно ли переносить взлет?», он ответил, что это самое легкое, потому что самое трудное — переносить неизвестность. Ведь не знаешь, включат тебя в экипаж или нет, заменят или нет, не отстранят ли в последнюю минуту врачи от полета — и так далее, и тому подобное.

— Все зависит от случая?  
— От судьбы. Уверен, что она есть у человека. Утверждаю, что у меня судьба была стать космонавтом.

— Ты один из людей, которые не просто летали в космос ради славы или Звезды Героя — тебя всегда влекла наука.

## СНЫ В КОСМОСЕ И НА ЗЕМЛЕ

— Вероятнее всего, нет, — отвечает он. — Однако я должен собственными глазами увидеть, что его там нет. Как известно, в науке отрицательный результат не менее важен, чем положительный...

И Георгий смеется. Оттого невозможно определить, как именно он относится к инопланетянам: серьезно или шутивно?

Чтобы понять это до конца, я и затеял наш разговор, который, к моей радости, постепенно перешел в исповедь. Такие минуты случаются в жизни не часто, а потому я постарался воспользоваться ими — благо мой собеседник всегда отличался искренностью и откровенностью. Этот день не стал исключением.

Я спросил Георгия Михайловича:  
— Знаю, что все началось на «фирме Королева». Когда это случилось?

— Пришел я в КБ Королева в 55-м году. Нет, даже раньше — потому что диплом я сделал здесь же. Это был проект старта с подводной лодки с помощью своего же двигателя, без вспомогательных средств. Я защитил диплом, но с 54-го года уже работал в КБ. Получал по ставке — 35 рублей.

— Это была первая подводная лодка с ракетным вооружением?

— Честно говоря, о том я не ведаю, так как занимался только ракетой. Тогда ничего «чужого» знать было нельзя — только свое дело. К примеру, боеголовку для «Семерки», в создании которой принимал участие, я увидел только спустя пятьдесят лет.

— А до этого?

— Небольшой треугольник из металла — и все! А это, оказывается, очень приличная водородная бомба!

— А дальше?

— Я все-таки стал баллистиком. Мне очень повезло, потому что я рассчитывал полеты наших беспилотных зондов в Луну, Марсу, Венере. И потом, когда начали работать над полетом человека в космос, я как раз выбирал угол, под которым надо входить в атмосферу, чтобы посадить корабль. Так что в каком-то смысле и здесь я оставил свой след...

— Говорят, что Королев был странным и великим. В чем — «странным», а в чем — «великим»?

— Он был не странным и не великим. За что я его люблю, уважаю и с гордостью считаю себя «королевцем»? Он делал ставку на людей и поэтому побеждал. Он работал и с «неудобными» людьми — такими, которые всегда имели свое мнение, свою точку зрения, не очень были дисциплинированы, обсуждали приказы, но зато были талантливы. Их мнения сталкивались с другими, в том числе и с мнением Королева, тогда и рождалась искра. Ставился, к примеру, вопрос о топливе для ракет будущего: керосин или водород? Он опрашивал всех, в том числе меня. Я ничего умного, отличного от того, что уже было сказано, предложить не мог. Но встал и высказывал свое мнение. Лишь много позже я понял: он приучал каждого говорить то, что думает, и потом, рано или поздно, я обязательно выскажу нечто такое, что будет отличаться от других.

— И с тобой это случилось?

— Да, уже через пару лет, когда я заявил, что третий спутник не взлетит. Дело было в заправке ракеты. По моим расчетам получалось, что сделана она неверно. Королев выслушал меня, потом позвонил моим начальникам и сказал: ваш сотрудник на космодроме высказывает мнение, что спутник не взлетит. Ему ответили — мол, не соображает или выпендривается. Позже оказалось, что я прав, и Королев прислал моего начальника на космодром... мне в подчинение.

### 25 мая Георгию ГРЕЧКО, космонавту, дважды Герою Советского Союза — 75 лет

— Еще юношей я прочитал статью писателя Казанцева о том, что Тунгусский метеорит — это космический корабль, который потерпел катастрофу. Я посмотрел на карту — далеко! Но все-таки дал себе слово, что когда-нибудь я там буду и начну искать остатки корабля. Прошло лет пятнадцать, и представилась возможность поехать туда. Честно признаюсь: мы обманули Королева. Мы подготовили отчет страниц на пятьсот, из которого абсолютно следовало, что это был космический корабль, который взорвался на высоте пять километров, и мощность взрыва была порядка пяти килолтонн. Мы понимали, что весь отчет Королев читать не будет, но выводы посмотрит, а в них все было, как теперь принято говорить, «в шоколаде». Пришли к Королеву, поговорили с ним, выпросили двух солдат с рацией, вертолет и сухой паек. Полетели туда на свои деньги и сделали очень серьезную работу, которую вели несколько месяцев.

— А как реагировал Королев?

— При возвращении я из Красноярска, как и договаривались, позвонил Королеву. Начал говорить ему, что мы взяли семь тысяч проб, прошли маршрутами 120 километров — и так далее, и тому подобное... Он вежливо слушал, а потом вдруг спрашивает: «Обломки корабля наши?» Ответил, что нет. «Тогда продолжайте искать», — сказал он и повесил трубку. Больше никогда не спрашивал меня о Тунгусском метеорите.

— Как стало известно, что в КБ начал создаваться отряд космонавтов?

— У меня всегда была склонность куда-то лететь. Освоился на планере, на самолете. Увлекался подводным плаванием и охотой, поднимался в горы. Хотелось быть там, где высоко, интересно, необычно, где все грохотало и пенилось, и поэтому я люблю фильм «Последний дюйм». Я смотрел этот фильм раз пятнадцать — столько, сколько потом «Белое солнце пустыни». Кстати, я был абсолютно убежден, что не пройду комиссию, но было интересно, как ее проходят настоящие космонавты.

— А почему «не пройду»?

— Война. Оккупация. Голод, холод, антисанитария... Когда в конце войны я вернулся в Ленинград, то школьный врач сразу вставил мне девять пломб. Я понимал, что не могу стать космонавтом, однако решил все-таки попробовать — интересно ведь!

— Проходить испытания было интересно?

— Необычайно! Испытания были очень трудные, мучительные, даже жестокие. Их было около восьмидесяти...

— Жестокие?

— Сажают в финскую баню в зимней авиационной одежде. И нагревают тебя до тех пор, пока температура тела не поднимется на два градуса, или сердце не начнет работать с перебоями. Американцы раскрутили обезьяну на восемь единиц, потом посмотрели, что произошло с ее внутренними органами — оказалось, что практически везде есть кровоизлияния. А наших первых ребят крутили на 12 единиц!.. Так что даже здоровых людей медики отчисляли.

— А тебя?

— Оказалось, что из 300 человек прошло только тринадцать. И я в их числе.

— Страсть к науке появилась в раннем детстве. В Ленинграде был Дом занимательной науки и техники. Это гениальное изобретение Перельмана — нашего знаменитого популяризатора науки. В этом Доме разные явления подавались столь необычно, что если у кого-то из ребятшек был хотя бы крошечный резонанс на науку, он сразу же увлеклся ею. Например, стоит швабра. Нарисована точка, где у нее находится центр тяжести. Берешь швабру, кладешь этой точкой на палец — она уравновешена. Потом ты разнимаешь швабру и кладешь на весы: оказывается, одна часть перевешивает другую. Как же так?! Подобные опыты в этом Доме ставились настолько наглядно и интересно, что увлекали тебя. Хотелось разобраться, что же происходит. Там и появилась у меня тяга к науке. Юрий Гагарин перед стартом сказал: «Поехали!», а я произнес: «Поехали на работу!»

— Что самое интересное в космическом полете?

— Для меня — что-то новое, которое до тебя никто не видел, а следовательно, ничто непонятное и неизведанное. Хорошо, что на Земле находился Савченко. Я ему говорил, что именно наблюдая, а он мне утром говорил: это и это известно, а вот то — новое, нужно продолжать наблюдения. Мне удалось найти слоистую структуру атмосферы. Упрощая, можно сказать так: до меня считалось, что атмосфера — это торт безе, то есть однородная масса. Я же доказал, что атмосфера — торт «Наполеон», то есть состоит из слоев. Оттуда, с орбиты, я сообщил, что озоновая дыра над Антарктидой — не результат работы холодильников, как утверждали некоторые ученые, а вполне естественное явление. Лет через двадцать мои выводы были подтверждены.

Кстати, если тебе говорят, что то или иное явление надо изучать — мол, это интересно, то сразу же следует бросать это направление: ничего путного не получится. Если же тебя убеждают, что у тебя иллюзии, галлюцинации и ты видишь что-то невероятное, то продолжай работать — ты на верном пути!

— За вашим полетом с Алексеем Губаревым было приятно следить по многим причинам: и науки было много, и юмора достаточно. Да и песни постоянно звучали хорошие...

— Ты имеешь в виду Высоцкого?  
— Конечно. Впервые в эфире на весь мир передавались его песни. Как это удалось?

— Мы все любили Высоцкого. Даже те, кто его запрещал. Это нужные людям песни, особенно в космосе. Они вообще нужны тем, у кого трудная и опасная профессия. Естественно, что на борту была кассета с его фотографией. В конце полета мы вынули обертку кассеты, поставили штамп станции и написали, что он был третьим членом нашего экипажа.

— Могли и кассету захватить!

— Ни в коем случае! Все, что доставлено на станцию, должно оставаться там —



ФОТО ИЛАН-ЛАС

таков закон. Даже когда французский космонавт привез с собой электроорган, он оставил его там. И так, мы вернули только обертку на Землю, и во время одного из концертов я вручил ее Высоцкому. Он хорошо среагировал и попросил о встрече с космонавтами. Он хотел написать несколько песен о полетах. Жаль, что не успел этого сделать. Мы старались помогать талантливым людям. И я горжусь, что кое-что удалось сделать и для Владимира Высоцкого, и для лучших наших писателей-фантастов.

— Общественная деятельность необходима космонавту?

— Безусловно. Люди всегда относились к нам с любовью и уважением. А им надо отвечать тем же — следовательно, заниматься их нуждами, жить их заботами. Сейчас меня интересует религия.

— Религия и фантастика, как мне кажется, очень близки. Поэтому космонавты обязательно спрашивают о том, что необычное они видели в своих полетах...

— Началось с того, что я увидел «летающие тарелки». И испугался! Выглянул в иллюминатор и увидел, что нас преследуют «тарелки». Причем они идут четким строем, иногда на них заметны даже красные отблески. Я говорю Юрию Романенко: «Смотри, летят!» Он улыбнулся и отвечает, что это просто пылинки, которые отделились от обшивки станции во время коррекции. Так как в космосе невозможно определить расстояние, то нам кажется, что объекты находятся далеко — на самом же деле пылинки у иллюминатора. Когда к нам в гости прилетели другие космонавты, у меня появилась идея их разыграть. Я постучал пальцем по иллюминатору, и у меня появилось восемь пылинкок. Это было перед восходом солнца, небо краснеет, и потому на «тарелках» появились красные отблески. Позднее гостей и показал им НЛО. А дальше я совершил ошибку. Обычно я сразу же рассказываю о розыгрыше, но сейчас это не входило в мои планы. Я выбил восемь пылинкок потому, что Виталий Севастьянов рассказывал, будто он видел семь НЛО. Мне нужно было его превзойти, и я создал восемь «тарелок».

Но вместо того, чтобы объяснить появление «НЛО», я сказал ребятам, что скоро они вернуться на Землю, тогда и расспросят Севастьянова — он, мол, знает о них все. Но Виталий оказался в отпуске, он не встречал, как обычно, экипаж из космоса. Ребята держались несколько дней, потом рассказали о «летающих тарелках» — конечно, только друзьям и по секрету. А через час их вызывает руководство: «Видели НЛО?» Они подтверждают, что видели. А я им еще на орбите сказал, что «тарелки» улетают со сверхзвуковой скоростью, практически мгновенно. Так и бывает: ведь пылинки видны только в темноте, а когда солнце восходит, они исчезают. Я выбирал время так, чтобы «тарелки» исчезали через несколько минут. Все мои байки космонавты выкладывают начальству. Вскоре

их вызывает Генеральный конструктор, и они повторяют свой рассказ. Потом им пришлось побывать и в министерстве. И даже в ЦК партии. Так что розыгрыш получился первоклассный!

— Тебе за него не пришлось расплачиваться?

— Оправдываюсь до сих пор! Не перед начальством, а перед уфологами, которые мне постоянно твердят, будто я сам видел НЛО. Я не верю, что вокруг Земли крутятся «летающие тарелки» с инопланетянами. Но если говорить всерьез, то считаю, к нам они прилетали. Есть работы, в которых говорится, что это случается раз в три тысячи шестьсот лет. И я с этим согласен. У наших современников есть возможность встретиться с инопланетянами 24 декабря 2014 года, когда они могут прилететь, то есть после последнего их посещения прошло как раз три тысячи шестьсот лет. В этом я был уверен до тех пор, пока однажды не увидел корабль инопланетян. Это случилось в Лондонском музее, где я увидел картину с НЛО. В 1480 году картина была написана. И на ней изображен корабль с иллюминаторами и луч света, бьющий из него. Я был потрясен. Потом прочитал о том, что НЛО сидит на горе Синай, и совсем лишился покоя. И как в случае с Тунгусским метеоритом, должен все проверить сам. Синай совсем недалеко, и я решил побывать там. Неплохо ведь вернуться оттуда на «летающей тарелке» и сэкономить на авиабилете!?

— Прежде чем пожелать успеха в новой экспедиции, прошу два слова о будущем космонавтики. Как оно видится тебе?

— Я работал на трех разных станциях. Пришел к выводу, что использовать их не следует. Нужны автоматические аппараты, которые выполняют определенные цели. Космонавты должны летать на них для ремонта. Это намного эффективнее. И еще. Сейчас возникли новые возможности в космонавтике: полеты к Луне, на Марс и к астероидам. Это надо использовать. Нужно немедленно начать работы над жилым межпланетным блоком, и в этой области мы опережим всех. Один забавный пример. Американцы потратили на создание космического туалета более двадцати миллионов долларов. В нем даже есть лазерный прицел! Тем не менее в космосе американцы предпочитают пользоваться нашим туалетом, который намного проще и дешевле.

— Пожалуй, трудно придумать что-то более убедительное...

— Мы делаем дешево, надежно и удобно. Сейчас я должен вернуться к началу разговора и согласиться с утверждением, что Королев был великим. Ведь еще в 60-х годах он в Институте медико-биологических проблем создал комплекс тренажеров для полета на Марс. Мы же до сих пор крутимся вокруг Земли, а туда не летим. Сейчас надо провести тренировочный полет на Земле, потом отработать технику на околоземной и окололунной орбитах, а затем лететь на Марс.

Владимир ГУБАРЕВ